

«НАШ ВТОРНИК»

ВСТРЕЧА С СОЗДАТЕЛЯМИ ФИЛЬМА «ТИХИЙ ДОН»

У НАС нет, пожалуй, такого человека, который не был бы знаком с «Тихим Доном» — замечательным произведением Михаила Шолохова. Ныне по этому роману студий имени М. Горького закончены съемки киноописи из трех серий.

Советский зритель, высоко оценив первый две серии фильма, с нетерпением ждет последних страниц киноповествования — третью серию, охватывающую период становления Советской власти на Дону, борьбы с белоказакством и войсками интервентов.

На очередной «вторник» «Литературной газеты», состоявшийся 8 апреля, приехали создатели фильма.

— В течение двух лет, — рассказал один из режиссеров картины В. Дорман, — шла напряженная работа. Вперед в истории советской кинематографии за стол короткий срок был создан трехсерийный фильм большого масштаба. Основные съемки проходили на Дону, а также в Ленинграде, Одессе, Москве. В съемках массовых сцен участвовало несколько тысяч человек, в том числе казаки хутора Диченчика и города Каменска-Шахтинского. Помимо основных тридцати актеров, занятых в главных ролях, фильме участвует более двадцати исполнителей второстепенных ролей. Для съемок картины была создана своя кавалерия в несколько сотен всадников. Консультантом картины был участник революции на Дону, прообраз одного из героев романа — Семен Иванович Кудинов. Для съемки фильма на берегу Дона была построена декорация хутора «Татарский», с майданом и церковью, с базами и куренями Мелеховых, Астаховых, Коршуновых, дом Мухова, имение Листицких. Кроме того, в районе железнодорожной станции города Каменска были построены декорации станции Нарва, Новоржевского вокзала и станции Разгон. В окрестностях и самом городе были сооружены декорации и макеты для съемок батальных сцен, происходивших в Галиции.

Участники вечера с большим интересом просмотрели третью серию «Тихого Дона» (сценарист и постановщик С. Герасимов). Горячими аплодисментами наградили аудитории присутствовавших на этой встрече создателей фильма — Э. Быстрицкую (Аксинью), А. Филиппову (Ильиничну), Д. Ильченко (Пантелея Мелехова), П. Глебову (Григория Мелехова), главного оператора В. Рапопорта, режиссера В. Дормана, главного художника Б. Дуленикова, директора картины Я. Светозарова.

В заключении было показано цветной документальный киноочерк «Рождение фильма», рассказывающий о том, как проходили съемки замечательной киноописи.

На фото: кадр из третьей серии «Тихого Дона».

Неизвестный архив А. Н. Толстого

В Куйбышевский мемориально-литературный музей А. М. Горького переданы обширный, неизвестный доныне архив Александра Николаевича Толстого.

А. Бостром, отчим писателя, последние годы своей жизни нарисовал на самарских старинах Гурьевича. Он и первым вспомнил о Толстом в трехтомном альбоме, который скопил сам писатель. Толстой и матери и отчиму, первые издания его книг с дарственными надписями, семейные фото разных лет с автографами писателя, обширная переписка родителей Толстых.

Любопытны записи письма будущего известного мастера литературы: слова, старательно выведенные крупным детским почерком на тетрадочных листах в две косы линейки, и первые сочинения по литературе Александра Толстого, ученика реального училища. Письма из Петербурга и Тарна, письма Толстого к жене, корреспонденция «Русским ведомостям» с фронта обогатят представление о формировании мировоззрения и литературных взглядов писателя.

Содержание и дневниковые записи матери А. Н. Толстого, Александра Евгеньевича Бострома, рукописи ее произведения известно, А. Л. Бостром сотрудничала в «Самарской газете» одновременно с М. Горьким.

В последнее время в Куйбышеве обнаружены некоторые вещи из обстановки квартиры А. Бострома, цели и сама квартира. Общественность прославила Бострома как автора, честно и справедливо ставивший вопрос, что при наличии столь богатых материалов о жизни и деятельности писателя земляки необходимы открытия в городе квартиру-музей А. Н. Толстого.

КУБЫШЕВ. (Наш корр.)

Мы с удовольствием цветами

дашим, в лесу довольно листьями ольхи, ревнуем, удивляемся и пишем порой сентиментальные стихи. Но мы не забываем, что в позоре мы выросли и числились в веках, и kostяные жертвы мозоли у нас еще, как перстни, на руках. И мы увидели еще до срока, прекрасной радостью напоены, и запада, запада, восход Востока, восход разбитой некогда страны.

Корнилов был порою невероятно зорок. Он видел яхту, которая «гнутым парусом» срезала тонкий слой голубого ветра. Он видел, как «на шести своих тонких лапах шли шестерни вровень с яхтой». Он видел, как «вышек прыгали прямо в воду, острой ласточкой пролетая над зелеными островами, и дрожала вода золотая, вся исколотая пригуками». Как это чудесно и правильно вода, исколотая пригуками!

Корнилов нашел свой голос в ряду поэтов, начинавших путь либо одновременно с ним, либо тремя-четырьмя годами раньше. Правда, делать из него «икону» не нужно.

Против этого зловещего изверга, называющего «темную, как уголь», икона керкаша письма, призывающие своим сыновьям «быть под душу и под ребра», чтобы не досталось колхозу «нажитое мое добро», «поднимаются засоры, землеройки и батраки». Одна

История в прошлом, она глядела в будущее:

Мы еще не забыли порока заты, мы еще разбираемся в наших врагах, чтобы снова Триполье не стало на лапах, на звериных,

Борис Корнилов. «Стихотворения и поэмы». Изд-во «Советский писатель». Л. 1957. 290 стр.

Мы еще не забыли порока заты, мы еще разбираемся в наших врагах, чтобы снова Триполье не стало на лапах, на звериных,

Борис Корнилов. «Стихотворения и поэмы». Изд-во «Советский писатель». Л. 1957. 290 стр.

Мы еще не забыли порока заты, мы еще разбираемся в наших врагах, чтобы снова Триполье не стало на лапах, на звериных,

Борис Корнилов. «Стихотворения и поэмы». Изд-во «Советский писатель». Л. 1957. 290 стр.

Мы еще не забыли порока заты, мы еще разбираемся в наших врагах, чтобы снова Триполье не стало на лапах, на звериных,

Борис Корнилов. «Стихотворения и поэмы». Изд-во «Советский писатель». Л. 1957. 290 стр.

Мы еще не забыли порока заты, мы еще разбираемся в наших врагах, чтобы снова Триполье не стало на лапах, на звериных,

Борис Корнилов. «Стихотворения и поэмы». Изд-во «Советский писатель». Л. 1957. 290 стр.

Мы еще не забыли порока заты, мы еще разбираемся в наших врагах, чтобы снова Триполье не стало на лапах, на звериных,

Борис Корнилов. «Стихотворения и поэмы». Изд-во «Советский писатель». Л. 1957. 290 стр.

Мы еще не забыли порока заты, мы еще разбираемся в наших врагах, чтобы снова Триполье не стало на лапах, на звериных,

Борис Корнилов. «Стихотворения и поэмы». Изд-во «Советский писатель». Л. 1957. 290 стр.

Мы еще не забыли порока заты, мы еще разбираемся в наших врагах, чтобы снова Триполье не стало на лапах, на звериных,

Борис Корнилов. «Стихотворения и поэмы». Изд-во «Советский писатель». Л. 1957. 290 стр.

Мы еще не забыли порока заты, мы еще разбираемся в наших врагах, чтобы снова Триполье не стало на лапах, на звериных,

Борис Корнилов. «Стихотворения и поэмы». Изд-во «Советский писатель». Л. 1957. 290 стр.

Мы еще не забыли порока заты, мы еще разбираемся в наших врагах, чтобы снова Триполье не стало на лапах, на звериных,

Борис Корнилов. «Стихотворения и поэмы». Изд-во «Советский писатель». Л. 1957. 290 стр.

Мы еще не забыли порока заты, мы еще разбираемся в наших врагах, чтобы снова Триполье не стало на лапах, на звериных,

Борис Корнилов. «Стихотворения и поэмы». Изд-во «Советский писатель». Л. 1957. 290 стр.

Мы еще не забыли порока заты, мы еще разбираемся в наших врагах, чтобы снова Триполье не стало на лапах, на звериных,

Борис Корнилов. «Стихотворения и поэмы». Изд-во «Советский писатель». Л. 1957. 290 стр.

Мы еще не забыли порока заты, мы еще разбираемся в наших врагах, чтобы снова Триполье не стало на лапах, на звериных,

Борис Корнилов. «Стихотворения и поэмы». Изд-во «Советский писатель». Л. 1957. 290 стр.

Мы еще не забыли порока заты, мы еще разбираемся в наших врагах, чтобы снова Триполье не стало на лапах, на звериных,

Борис Корнилов. «Стихотворения и поэмы». Изд-во «Советский писатель». Л. 1957. 290 стр.

Мы еще не забыли порока заты, мы еще разбираемся в наших врагах, чтобы снова Триполье не стало на лапах, на звериных,

Борис Корнилов. «Стихотворения и поэмы». Изд-во «Советский писатель». Л. 1957. 290 стр.

Мы еще не забыли порока заты, мы еще разбираемся в наших врагах, чтобы снова Триполье не стало на лапах, на звериных,

Борис Корнилов. «Стихотворения и поэмы». Изд-во «Советский писатель». Л. 1957. 290 стр.

Мы еще не забыли порока заты, мы еще разбираемся в наших врагах, чтобы снова Триполье не стало на лапах, на звериных,

Борис Корнилов. «Стихотворения и поэмы». Изд-во «Советский писатель». Л. 1957. 290 стр.

Мы еще не забыли порока заты, мы еще разбираемся в наших врагах, чтобы снова Триполье не стало на лапах, на звериных,

Борис Корнилов. «Стихотворения и поэмы». Изд-во «Советский писатель». Л. 1957. 290 стр.

Мы еще не забыли порока заты, мы еще разбираемся в наших врагах, чтобы снова Триполье не стало на лапах, на звериных,

Борис Корнилов. «Стихотворения и поэмы». Изд-во «Советский писатель». Л. 1957. 290 стр.

Мы еще не забыли порока заты, мы еще разбираемся в наших врагах, чтобы снова Триполье не стало на лапах, на звериных,

Борис Корнилов. «Стихотворения и поэмы». Изд-во «Советский писатель». Л. 1957. 290 стр.

Мы еще не забыли порока заты, мы еще разбираемся в наших врагах, чтобы снова Триполье не стало на лапах, на звериных,

Борис Корнилов. «Стихотворения и поэмы». Изд-во «Советский писатель». Л. 1957. 290 стр.

Мы еще не забыли порока заты, мы еще разбираемся в наших врагах, чтобы снова Триполье не стало на лапах, на звериных,

Борис Корнилов. «Стихотворения и поэмы». Изд-во «Советский писатель». Л. 1957. 290 стр.

Мы еще не забыли порока заты, мы еще разбираемся в наших врагах, чтобы снова Триполье не стало на лапах, на звериных,

Борис Корнилов. «Стихотворения и поэмы». Изд-во «Советский писатель». Л. 1957. 290 стр.

Мы еще не забыли порока заты, мы еще разбираемся в наших врагах, чтобы снова Триполье не стало на лапах, на звериных,

Борис Корнилов. «Стихотворения и поэмы». Изд-во «Советский писатель». Л. 1957. 290 стр.

Мы еще не забыли порока заты, мы еще разбираемся в наших врагах, чтобы снова Триполье не стало на лапах, на звериных,

Борис Корнилов. «Стихотворения и поэмы». Изд-во «Советский писатель». Л. 1957. 290 стр.

Мы еще не забыли порока заты, мы еще разбираемся в наших врагах, чтобы снова Триполье не стало на лапах, на звериных,

Борис Корнилов. «Стихотворения и поэмы». Изд-во «Советский писатель». Л. 1957. 290 стр.

Мы еще не забыли порока заты, мы еще разбираемся в наших врагах, чтобы снова Триполье не стало на лапах, на звериных,

Борис Корнилов. «Стихотворения и поэмы». Изд-во «Советский писатель». Л. 1957. 290 стр.

Мы еще не забыли порока заты, мы еще разбираемся в наших врагах, чтобы снова Триполье не стало на лапах, на звериных,

Борис Корнилов. «Стихотворения и поэмы». Изд-во «Советский писатель». Л. 1957. 290 стр.

Мы еще не забыли порока заты, мы еще разбираемся в наших врагах, чтобы снова Триполье не стало на лапах, на звериных,

Борис Корнилов. «Стихотворения и поэмы». Изд-во «Советский писатель». Л. 1957. 290 стр.

Мы еще не забыли порока заты, мы еще разбираемся в наших врагах, чтобы снова Триполье не стало на лапах, на звериных,

Борис Корнилов. «Стихотворения и поэмы». Изд-во «Советский писатель». Л. 1957. 290 стр.

Мы еще не забыли порока заты, мы еще разбираемся в наших врагах, чтобы снова Триполье не стало на лапах, на звериных,

Борис Корнилов. «Стихотворения и поэмы». Изд-во «Советский писатель». Л. 1957. 290 стр.

Мы еще не забыли порока заты, мы еще разбираемся в наших врагах, чтобы снова Триполье не стало на лапах, на звериных,

Борис Корнилов. «Стихотворения и поэмы». Изд-во «Советский писатель». Л. 1957. 290 стр.

Мы еще не забыли порока заты, мы еще разбираемся в наших врагах, чтобы снова Триполье не стало на лапах, на звериных,

Борис Корнилов. «Стихотворения и поэмы». Изд-во «Советский писатель». Л. 1957. 290 стр.

„БОМБА“ ПРОТИВ АТОМНЫХ БОМБ

РЕШЕНИЕ Верховного Совета СССР о прекращении Советским Союзом испытаний атомного и водородного оружия заставило английское правительство в трущую минуту.

Как раз сейчас правительство Англии наталкивается на осуждение своей политики в области ядерного оружия, на из дня в день растущий протест против этой политики. Причем нынешнее движение — самое широкое и энергичное из всех подобных движений протеста против английской внешней политики за последние годы (за исключением того, что происходило во время «сузального кризиса», но тогда это был кратковременный, а теперь — непрерывный и длительный на jaki).

Подавляющее большинство англичан хочет запрещения ядерного оружия и немедленных переговоров на самом высоком уровне. Стремясь помочь успеху переговоров «в верхах», они требуют прекращения патрульных полетов американских самолетов с атомными бомбами над территорией Англии, прекращения строительства в Англии ракетных баз, отказа от вооружения Западной Германии атомным оружием, отказа от экспериментальных взрывов ядерного оружия.

Правительство Англии оказалось в незавидном положении, зажатое между двумя противоположными силами: с одной стороны — мнение громадного большинства английского народа, который требует одобрить действия Советского Союза эти газеты потребовали более тесной координации политики западных держав («западных» переговоров на высоком уровне), чтобы избежать подобных «кризисов» в будущем.

Я присутствовал, когда он об этом говорил. Это было в Париже в 1949 году на величайшем митинге в защиту мира во всем мире. Две тысячи человек со всеми концами света заполнили зал «Плейель». Робсон вошел послышно, во всем великолепии своего могучего роста, но усталый после поездки по всей Европе. Все присутствующие встали как один, и стены задрожали от приветствия. Робсон сказал, что его народ хочет мира и «никогда не будет сражаться против Советского Союза». Вместе с тысячами присутствующих я участвовал в бурной овации.

Вот каково было для Америки преступление Робсона. Он мог бы ненавидеть кого угодно. Он мог бы быть убийцей, мог бы лгать в красть. Но когда он заявил, что любит Советский Союз и не станет участвовать в войне против него, это было для Соединенных Штатов величайшим преступлением.

За это они стали клеветать на Робсона. Они попытались убить его в Пикслиле. Они не давали ему напечатать помещение для концептов. Они не позволяли ему публиковать и отказали ему в паспорте.

И, что самое главное, некоторые американские негры присоединились к гравю одного из своих величайших артистов — Робсона, который больше, чем кто-либо из живущих, содействовал распространению чисто негритянских народных песен по всему цивилизованному миру.

И все же Робсон сохранил свою душу и не уступила своих позиций. Он по-прежнему любит и почтит Советский Союз. Он по-прежнему не утратил веру в Бога. А мы — что можем мы сказать или сделать? Нам остается, к сожалению, только опустить головы.

Празднуя 60-летие Пола Робсона поэзии, от Москвы до Калифорнии, Аккры и Иоганнесбурга, мы все можем встать и петь вместе с ним: «Из окружающей меня черной ночи, от края и до края всего света, я благодарю Богов за великого артиста. Он в своем очередь любил Советский Союз. Он верил, что каждый черный

Перепечатка из американской газеты «Ньюшил гардин».

Полю Робсону

Замечательного певца, другого коллегу по перу, человека большого сердца, юной души, яркого таланта поздравляем с первым шестидесятилетием. Желаем нашему другу счастья, здоровья, больших творческих радостей.

Братски обнимаем.

От имени советских писателей Ал. СУРКОВ

9.IV.1958 г.

справедливо отвергал представление об искусстве как о фотографии жизни, — но, думается, в полемике против схематизма он сам, рассказывая о личности Стендэля, невольно впал в некоторую фотографичность. Заменить общее понятие критического реализма или недостаточно конкретную политическую характеристику того или иного художественного стиля, против несостоятельных попыток объявить образцом социалистического реализма «олеографические паранды портреты, в которых не было ни социалистического восприятия мира, ни реалистичности».

Но для того, чтобы отстаивать многообразие нашего искусства и возражать критикам, которые — за здоровье или за ущерб, но одинаково неверно — отождествляют социалистический реализм с одним определенным «направлением», — для всего этого, мне кажется, нет нужды рассматривать метод нашего искусства, как некое механическое сочетание «социалистического восприятия мира» и «реалистичности», тем более, что понятие реализма, реалистичности используется у И. Эренбурга в весьма широком толковании: «Всякое подлинное произведение искусства построено на жизни и показывает жизнь и, следовательно, может быть названо реалистичным», — говорит писатель в предисловии к книге Альберто Моравиа.

Сомнения И. Эренбурга в убедительности понятия социалистического реализма как писательский протест против схематических классификаций и ярлыков, которыми злобно употребляются литераторами, когда они не идут дальше констатации того общего, что объединяет разных писателей в их отношении к действительности и в методе ее художественного ображения. Однако общие литературные понятия, отражающие вполне объективные процессы литературы, никак не заменить пространным рассказом о привычках, чудачествах, внешнем облике и эпизодах из интимной жизни того или иного писателя. Всякого рода «психологические» и «биографические» литературоцентрические школы, питавшиеся, в конечном счете, теорией «единого потока», — этапы, давным-давно проявленные наукой о литературе. В «Уроках Стендэля» И. Эренбург

вряд ли в наше время можно найти

мало-мальски серьезного литератора, который вздумал бы глухой стеной отгородить социалистический реализм от завоеваний критического реализма. И. Эренбург, как ему показалось, нашел такого человека и вступил с ним в полемику, настолько характерную, что мимо нее невозможно.

В своей лекции о французской национальной культуре И. Эренбург сказал, что А. А. Фадеев якобы усматривал отличие социалистического реализма от критического в том, что первый изображает человека, каким он должен быть, а второй — таким, каков он есть; в этой связи И. Эренбург вспомнил Жана де Лабюйера, видного французского писателя конца XVII века, который почти за 300 лет до Фадеева тоже же словами определил различия между Корнелем и Расином. Составительство, каким он должен быть, а второго — таким, каков он есть; в этой связи И. Эренбург, возможно, имел в виду высокие идеи и моральные ценности, в силу своей чрезмерной отвлеченности понятия реалистичности и человечности, одинаково применимыми к любому большому художнику, — занятие бесплодное; ничего, кроме путаницы, оно не даст. Пестрая толпа высоких и низеньких «человеков», с брюшками или без, длинноносые или кирзовидные, занимающих деньги или баснословно богатых, любителей выпить или трезвеников, — неужто такое представление об истории мировой литературы пригляднее выстроенным унылым шаплерам бесцветных фигур, у которых лица закрыты плотным листом бумаги с какой-нибудь стандартной надписью?

Таким образом, И. Эренбург, с одной стороны, отрицает какие бы то ни было

понятия социалистического реализма, используемые у И. Эренбурга в весьма широком толковании: «Всякое подлинное произведение искусства построено на жизни и показывает жизнь и, следовательно, может быть названо реалистичным», — говорит писатель в предисловии к книге Альберто Моравиа.

Сомнения И. Эренбурга в убедительности понятия социалистического реализма как писательский протест против схематических классификаций и ярлыков, которыми злобно употребляются литераторами, когда они не идут дальше констатации того общего, что объединяет разных писателей в их отношении к действительности и в методе ее художественного ображения. Однако общие литературные понятия, отражающие вполне объективные процессы литературы, никак не заменить пространным рассказом о привычках, чудачествах, внешнем облике и эпизодах из интимной жизни того или иного писателя. Всякого рода «психологические» и «биографические» литературоцентрические школы, питавшиеся, в конечном счете, теорией «единого потока», — этапы, давным-давно проявленные наукой о литературе. В «Уроках Стендэля» И. Эренбург

«**АЙВОР МОНТЕГЮ,**
английский публицист

тысячи людей. И, в частности, не работающих женщин и младшее поколение — учащихся школ и колледжей, которые до сих пор были больше склонны к пассивности и находились во власти настроений безнадежности, политической разочарованности. В возможном отъезде из всех подобных движений против английской внешней политики за последние годы (за исключением того, что происходило во время «сузального кризиса»), но тогда это был кратковременный, а теперь — непрерывный и длительный на jaki).

Полезно отметить, что даже независимые консервативные газеты «Таймс» после критических пасажей и жалоб на отсутствие соглашения по поводу атомного контракта также присоединились к движению.

Больше всего, что даже

самым всемирным одобрением.

Больше всего, что даже